О.П. Недоспасова, И.А. Павлова, Г.А. Барышева, Е.М. Рождественская

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПРОСА НА СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ИНТЕРЕСАХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту
«Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (№ 19-18-00300).*

Выявление «институциональных пустот» и «провалов» рынка применительно к удовлетворению особых потребностей пожилых людей актуализирует обсуждение необходимости, возможности и целесообразности их заполнения с помощью относительно нового для России инструмента – социального предпринимательства. В данном исследовании особое внимание уделяется важной грани социального предпринимательства как механизма, способствующего более полному раскрытию и реализации ресурсного потенциала самих пожилых людей.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; институты; ресурсный потенциал; старшее поколение; Томская область.

Введение

Как известно, люди ожидают от государственных институтов условий для благополучия, отклика на потребности, поддержки в трудных ситуациях и эффективного выполнения функций по обеспечению безопасности, поддержке при безработице, инвалидности, выходе на пенсию и т.д. При этом в последние годы практически во всех странах мира снижается доверие к институтам, предоставляющим блага для населения, удовлетворенность граждан их эффективностью и уровень уверенности граждан в том, что они могут повлиять на решения, которые принимают правительства [1, 2].

Откликаясь на запросы общества, научное сообщество уделяет все больше внимания социальной инклюзии, формированию новых (преимущественно горизонтальных) социальных связей, анализу мотивов и форм участия граждан различного возраста и социально-экономического статуса в широком спектре социальных инициатив. Очевидно, что исследования такого рода имеют множество ограничений, обусловленных сложностью формализации объекта исследования и валидностью социологических данных. На этом фоне важна оценка удовлетворенности эффективностью институтов, осуществляющих меры социальной политики и предоставляющих блага одной из наиболее социально-уязвимых групп общества – пожилым людям. По данным ООН, повсеместный рост численности людей в возрасте, старше трудоспособного, и их доли в структуре населения делает эту задачу одним из главных вызовов современности [3].

Выявление «институциональных пустот» и объективных несовершенств («провалов») рынка применительно к удовлетворению потребностей пожилых людей актуализирует обсуждение необходимости, возможности и целесообразности их заполнения с помощью относительно нового для России инструмента – социального предпринимательства. Его суть в РФ законодательно определена в Федеральном законе № 245-ФЗ как деятельность, направленная на достижение общественно-полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества.

Целью исследования является выявление (качественными методами) потенциального запроса на социальное предпринимательство в интересах пожилых людей в современном обществе. Для обоснования ценности данного инструмента в решении обозначенной проблемы исследователи опирались на результаты проведенных в течение четырех лет научно-экспертных семинаров с фокус-группами в Томской области. Наличие данной проблемы в регионе подтверждается не только высокой выраженностью глобального тренда демографического старения (каждый четвертый житель области находится в возрасте, превышающем трудоспособный), но и традиционно высоким уровнем образования: Томск – третий (после Москвы и Санкт-Петербурга) российский университетский центр. Совокупность этих характеристик определяет высокий потенциал запроса на социальное предпринимательство, перспективы его развития и масштабирования результатов регионального кейса.

Социальное предпринимательство как компенсаторный механизм «провалов» рынка и государства в интересах старшего поколения

С 60-х гг. XX в. в научной литературе отмечается тенденция унификации национальных подходов к формированию нормативно-правовой базы в отношении граждан старшего возраста, развивается новая точка зрения на процесс старения, характеризующаяся критикой доминирующей концепции исключения старшего поколения из активной социально-экономической жизни. Исследования в сфере социальных наук демонстрируют смену парадигмы: переход от оказания помощи людям старшего возраста к эффективному использованию их ресурсного потенциала [4], а роль старшего поколения смещается с преимущественно пассивных получателей социальной помощи к полноценным участникам социально-экономической жизни, что характеризует развитие концепции активного долголетия и реализации ресурсного потенциала старшего поколения [5].

Если раньше насущной необходимостью было обеспечение пожилых людей средствами к существованию, то сегодня более актуальны (1) мотивация и социальные технологии к продлению активной жизни человека в продуктивном режиме [6]; (2) формирование установок на продолжение активной социально-экономической деятельности за границами официального пенсионного возраста и выхода человека на пенсию [7]; (3) преодоление дискриминационных практик в отношении граждан старшего возраста (эйджизма) [8]. Для «стареющего» общества неизбежна трансформация спроса и предложения, обусловленная формированием новых рынков товаров и услуг, в том числе высокотехнологичных продуктов в медицине, домохозяйстве, социальной сфере и т.д. Происходит значительное увеличение нагрузки на все социально-экономические институты, связанные с реализацией человеческого потенциала: особого вида нематериального богатства, накапливаемого на протяжении всей жизни человека [9].

В стратегическом документе Европейского Союза «Европа для всех возрастов» обозначены основные угрозы демографических изменений, выражающиеся в увеличении спроса на услуги социального обслуживания, расходов на пенсионное обеспечение и социальные гарантии, потребностей лиц старшего возраста, неравенства в доступе к ресурсам и разнообразие социальных рисков для старшего поколения. Именно в этом контексте развивается большая часть современных исследований и строится социально-экономическая политика. Восприятие старости все чаще связывается не столько с «результатом» объективного биологического процесса, сколько с достижением особого социально-экономического статуса, который предполагает (1) расширение прав пожилых людей и их возможностей; (2) создание соответствующей инфраструктуры (институтов), позволяющей пожилым людям быть менее зависимыми, более ответственными и включенными в управление индивидуальным процессом старения. В целом современные исследования характеризуются фокусом на повышение ответственности как государства, так и самого человека за реализацию ресурсного потенциала и благополучие на всех этапах жизненной траектории, в том числе в пожилом возрасте.

Параллельно с обозначенными тенденциями активно развивается концепция социального предпринимательства, предполагающая разнообразие видов деятельности, объединение рыночных и нерыночных организационных форм, а также появление гибридных организационных форм [10, 11]. Социальное предпринимательство как явление изучается на трех уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном [12]. В институциональном плане социальный предприниматель, как правило, генерирует не экономическое благо, а общественную ценность (social value) [13]. В этом случае социальное предпринимательство становится способом успешной работы с «провалами» как рынка, так и государства. Имманентное стремление бизнеса к максимизации прибыли не позволяет достичь ряда общественных целей на базе рыночных механизмов, поэтому «провалы» рын-

ка не только закрываются общественными благами, но и открывают возможности для социального предпринимательства, дают импульс развитию особых форм мобилизации экономических ресурсов [14].

Что касается «провалов» государства, то они возникают в силу недостатка ресурсов, неверно выбранных приоритетов социально-экономического развития, слабости государственных институтов и т.д. [15]. Все это мы определяем как «институциональные пустоты». Их неизбежность повышает ценность социального предпринимательства как особого феномена, позволяющего сфокусироваться не на отдельных предпринимателях или социальных предприятиях (social enterprise), а на масштабных вызовах социально-экономического характера, требующих применения комплексных решений с неочевидной (в краткосрочной перспективе) коммерческой ценностью, но значимыми результатами в интересах создания смешанной ценности (blended value), проявляющейся в объединении экономического, социального и экологического эффектов [16]. Особенностью социального предпринимательства является удвоение социальной и результативности, т.е. социальная составляющая данного феномена является и целью, и основой деятельности акторов, а вновь созданная ценность (социальная и (или) экономическая) направляется на продолжение и расширение деятельности [17]. Это подтверждает идею о том, что социальное предпринимательство – это всегда создание одновременно социальной и экономической ценности и реинвестирование прибыли в развитие социальной деятельности, создание социальных благ для тех, ради кого она осуществляется [18]. Таким образом, под социальным предпринимательством в современном мире все чаще понимается инвестирование ресурсов в широкую социальную экосистему, справедливое, прозрачное и беспристрастное отношение не только к работникам определенной организации, но и к людям вне компании, к обществу и его социальным группам.

Включенность граждан старшего возраста в социальное предпринимательство все чаще рассматривается как самостоятельный научный вопрос [19]. Этот феномен представлен как:

- институт компенсации «провалов» государства и повышения эффективности в сфере социальной защиты и здравоохранения [20];

- институт самозанятости и обеспечения финансовой стабильности (например, при удаленной работе или организации микропредприятия, что, с одной стороны, улучшает благосостояние, но, с другой стороны, размывает ряд жизненных ценностей (связь с семьей, здоровье) из-за приоритизации занятости и финансовой независимости, повышает чувство одиночества и уровень стресса, что особенно остро воспринимается в старшем возрасте) [21];

- институт регионального развития и вовлеченности в решение проблем социума [22];

- «взаимодополняющий» институт в процессе генерации социальных инноваций и реализации ресурсного потенциала [23].

Следовательно, социальное предпринимательство в интересах старшего поколения может быть рассмот-

рено с различных точек зрения, но в первую очередь это механизм решения острых социальных проблем в сфере (1) социальной защиты и охраны здоровья, (2) поддержания эмоционального здоровья и снижения чувства одиночества, (3) преодоления социальной дискриминации и эксклюзии, (4) реализации ресурсного потенциала старшего поколения и личной ответственности за процесс старения.

В России в 2019 г. в уже упомянутом Федеральном законе № 245-ФЗ официально были закреплены понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», которые связаны с проектами поддержки социально незащищенных слоев населения, в том числе граждан предпенсионного и пенсионного возраста, инвалидов, и проектами в сфере культуры и образования. Данная трактовка сильно ограничивает

понимание и оценку вклада социального предпринимательства в решение острых социальных проблем. Так, проекты экологической направленности или развития среды оказываются в российской трактовке вне категории «социальное предпринимательство». Существует определенная проблема и в операционализации данного явления, которую можно охарактеризовать как «терминологический плюрализм», поскольку трактовки данного феномена достаточно многообразны. Подчеркнем, что в таких условиях организация может придерживаться собственной модели социального предпринимательства, делая выбор в пользу любой его гибридной формы – от традиционных некоммерческих организаций до коммерческих, но генерирующих социальную ценность для общества (рис. 1).

Рис. 1. Формы и модели социального предпринимательства (составлено по: [17])

В данном исследовании социальное предпринимательство понимается как «предпринимательская деятельность с выдающимися социальными целями и генерирующая социальную ценность» [24]. Другими словами, речь идет не о конкретной форме организации бизнеса (субъект малого или среднего предпринимательства, некоммерческая организация), а о явлении, которое определяется целеполаганием и создаваемой социальной ценностью. Анализ показал рост популярности социального предпринимательства в традиционных секторах, где наблюдаются «провалы»

государства, в том числе в части компенсации социально-экономических механизмов адаптации человека к особенностям жизни в старшем возрасте.

Формальные и неформальные «институциональные пустоты» определяют конфигурацию предпринимательской деятельности в обществе в части ее форм и задач, соответствующих условиям социально-экономической системы [25]. Социальное предпринимательство в этом плане можно рассматривать как институциональный механизм, компенсирующий «институциональные пустоты» через формальные и

неформальные практики и рутины (государственные регуляторные инструменты, культурные ценности, социально-ориентированные культурные нормы и социальный капитал) [26].

Методология

Исследование реализовано Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского поли-

технического университета (МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ). Оно проводилось в течение 4 лет по актуальным аспектам благополучия пожилых людей: эффективность социальной политики (2016), одиночество среди пожилых людей (2017), вовлеченность в региональный социум (2018), реализация ресурсного потенциала старшего поколения (2019) (рис. 2). Основными исследовательскими методами были работа с фокус-группами и проблемно-ориентированные научно-экспертные семинары.

Рис. 2. Тематика экспертных семинаров

Важно отметить, что каждый из семинаров был посвящен изучению особой проблемы. Однако, обобщив полученные результаты, исследователи пришли к выводу об их ценности в новом, не предполагавшемся ранее ракурсе: для выявления «институциональных пустот» и «провалов» рынка применительно к удовлетворению особых потребностей пожилых людей, а также обсуждению необходимости, возможности и целесообразности их заполнения с помощью социального предпринимательства.

Формат научно-экспертного семинара предполагает предварительное обсуждение ключевого термина и его фиксацию в непротиворечивой для участников формулировке (рис. 2). Ежегодно в семинарах участвовали две фокус-группы:

- группа 1 – пожилые люди, 20–30 человек ежегодно, неработающие пенсионеры в возрасте 60–85 лет;
- группа 2 – специалисты, профессионально вовлеченные в решение вопросов благополучия старшего поколения (представители органов государственной власти Томска и Томской области, сотрудники комитета социальной защиты населения, департамента социально-экономического развития села, комплексного центра социального обслуживания населения, пенсионного фонда, руководители советов ветеранов, социальных комнат районов Томской области, психологи, социологи, ученые томских университетов), 20 человек ежегодно.

Алгоритм семинара включает этапы: (1) оценка степени выраженности проблемы на основе личного опыта; (2) определение признаков для количественной оценки степени важности проблемы; (3) выявление препятствий решению проблемы; (4) разработка рекомендаций по внедрению улучшающих изменений.

Данное исследование выполнено в формате кейс-стади (case study): анализ проводился на примере одного российского региона по определенной выборке, что, безусловно, является ограничением исследования. Однако в условиях ограниченности данных об объекте исследования кейс-стади (как качественный метод) очень актуален: он позволяет выявить закономерности, тенденции, проблемы и накапливать данные о явлении, а впоследствии использовать их в аналогичных исследованиях для других возрастных групп и (или) российских регионов. Авторы разделяют признанный в мире научный подход о том, что любое качественное исследование нацелено на достижение более глубокого уровня понимания явлений и процессов, оно не ограничивается поверхностным изучением [27]. Триангуляция данных при сборе субъективных оценок двух групп участников проведенного исследования значительно повышает валидность выводов и оценок участников. Такой «множественный» подход к методологии качественного исследования соответствует содержанию самого явления, позволяя выстраивать конвергентные связи между различными точками зрения.

Результаты

В ходе каждого семинара участники были в значительной степени единодушны в оценках степени выраженности и важности обсуждаемой проблемы (рис. 3). Особенно явно совпадение оценок проявилось в ответах на вопрос о степени удовлетворенности социальной политикой в отношении пожилых людей: наибольшая часть и пожилых экспертов, и специалистов признали ее низкой (63 и 67% участников соответственно), при этом 55% экспертов – пожилых людей дали своей удовлетворенности со-

циальной политикой в отношении пожилых людей критически низкую оценку. Во многом совпали ответы экспертов обеих групп и при оценке одиночества среди пожилых (на уровне выше среднего и среднем), вовлеченности пожилых в социум, реализации ресурсного потенциала пожилых (на низком и среднем уровне).

При определении признаков, позволяющих количественно оценивать степень выраженности исследуемых проблем, участники семинаров называли множество показателей, которые затем были объединены в четыре группы (рис. 4).

Рис. 3. Распределение ответов участников фокус-групп при оценке степени выраженности соответствующей проблемы

Рис. 4. Система показателей, характеризующих степень выраженности исследуемых проблем для пожилых людей как обобщение мнений экспертов 1-й и 2-й группы

Данные показатели стали основой для идентификации критически значимых для благополучия пожилых людей «институциональных пустот» и наиболее заметных «провалов» рынка, препятствующих удовлетворению их потребностей. Их дальнейший анализ был использован для установления закономерностей о возможностях социального предпринимательства (в том числе тех его форм, в которых пожилые люди могут выступать не только как объекты, но и как ключевые субъекты активности) для заполнения тех или иных «провалов» и «пустот».

Для того чтобы аргументировать данный тезис и выявить наиболее важные, в том числе обладающие высоким потенциалом результативности направления развития социального предпринимательства в интересах и силами пожилых людей, были проанализированы препятствия их благополучию, сформулированные каждой из фокус-групп в итоговой части экспертных семинаров. Проблемы, которые, по мнению экспертов, препятствуют улучшению благополучия пожилых людей, были объединены в три однородные группы (рис. 5).

Рис. 5. Основные препятствия улучшению благополучия пожилых людей

Мнения участников фокус-групп о необходимых улучшениях были представлены нормативными высказываниями, симметричными выявленным препятствиям, но представленными в формате долженствования как требование решения проблем с апелляцией к органам власти федерального, регионального и местного уровня. Все формулировки необходимых улучшений указывают на чувствительные для пожилых людей «институциональные пустоты», своего рода «болевые точки», где государству следует сосредоточить свои усилия для повышения благополучия пожилых людей до ожидаемого ими уровня: концентрация бюджетных ресурсов на критически важных направлениях, аккумулирование инвестиций в формате государственно-частного партнерства и максимальная поддержка социального предпринимательства в решении актуальных проблем. Среди необходимых улучшений обращают на себя внимание неочевидные и неожиданные для исследователей предложения, не связанные напрямую ни с одной группой

препятствий. Они носят подчеркнуто конструктивный характер и отражают готовность пожилых людей самим участвовать в необходимых изменениях:

- разработка «Стратегии повышения степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения»;
- развитие навыков работы пожилых людей с современными технологиями;
- публикации в СМИ об активных людях старшего поколения;
- пропаганда в обществе активного долголетия и позитивного отношения к пожилым людям;
- проведение ежегодной школы для старшего поколения;
- предоставление помещений, тьюторов, тренеров и их обучение по важным для пожилых людей программам;
- расширение предложения спортивных секций для пожилых;
- грантовая поддержка проектов по вовлечению пожилых людей в социальную жизнь;

- привлечение внебюджетных средств в работу с пожилыми людьми;
- участие пожилых людей в кадровых комиссиях предприятий города;
- расширение практики различных конкурсов для старшего поколения;
- активизация мероприятий по оповещению пожилых людей о новых для них активностях и возможностях, привлечение бизнеса к социальным проектам в интересах пожилых людей (в том числе повышение социальных нормативов обслуживания пожилых людей до уровня, привлекательного для бизнеса);
- привлечение молодежи, студентов, волонтеров к активности для пожилых людей (спортивные, культурные, образовательные мероприятия);
- развитие волонтерского движения не только в интересах, но и силами «серебряных» волонтеров и др. В обобщенном виде эти требования можно отнести к запросу пожилых людей на новые знания и более широкие возможности для самореализации. Они представляют собой описание «окна возможностей» для развития социального предпринимательства как в интересах, так и силами пожилых людей, отражают потенциальный (в том числе платежеспособный) спрос на услуги, повышающие качество жизни старшего поколения, при этом бизнес-модель социального предпринимательства здесь может строиться на основе возмещения расходов другими акторами, например государством [28].

Обсуждение

В рамках исследования были выделены ключевые закономерности, касающиеся перспектив развития социального предпринимательства в интересах пожилых людей. Они связаны как с наличием явных «институциональных пустот», так и «провалов» рынка в сфере обеспечения благополучия пожилых людей. Кроме того, был выявлен запрос на развитие социального предпринимательства в интересах и силами самих пожилых людей, направленного на получение ими новых знаний и более полную самореализацию. На основании полученных результатов были определены основные уровни деятельности для развития социального предпринимательства в целях закрытия «институциональных пустот» и «провалов» рынка в вопросах обеспечения благополучия граждан старшего возраста, а также для более полной реализации их личностного потенциала:

- 1) уровень государства как ключевого инвестора и проводника важных институциональных изменений;
- 2) уровень общественных и бизнес-практик в интересах пожилых;
- 3) уровень практик силами старшего поколения в интересах граждан данной возрастной группы и общества в целом.

Развивая эмпирическую часть регионального кейса, отметим, что в Томской области разработана и внедряется система организации работы по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и негосударственных

организаций (НГО) к бюджетному финансированию на оказание услуг в исследуемой сфере.

Можно считать, что за 5 лет в Томской области создан институциональный каркас по поддержке социально-ориентированного малого и среднего бизнеса. Количественная оценка запроса на социальное предпринимательство на региональном уровне может быть реализована косвенными способами: на основе количественных показателей, связанных с метриками оценки эффективности механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере. К сожалению, эти показатели иллюстрируют текущую ситуацию по довольно узкому спектру вопросов, связанных с эффективностью региональной власти. Тем не менее в системе мониторинга субъектов РФ по реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства Томская область в 2018 г. заняла 17-е место, войдя в группу «регионов – кандидатов на лидерство».

Анализ работы региональных СОНКО показывает, что они в основном привлекаются к участию в отдельных мероприятиях безвозмездно, на волонтерских началах. Примером этому может служить взаимодействие общественных организаций и государственного сектора Томской области, в частности активно используется волонтерский ресурс СОНКО в рамках нацпроекта «Здравоохранение». Томское отделение всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» в рамках региональных проектов «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Борьба с онкологическими заболеваниями» проводит мероприятия по профилактике и предупреждению соответствующих заболеваний и развитию в обществе онконастороженности. Значительную часть как участников, так и организаторов таких мероприятий традиционно составляют граждане старшего возраста.

По данным отчетов о реализации «Комплексного плана Томской области по обеспечению поэтапного доступа к бюджетным средствам СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере», выявлен запрос на дополнительное образование и повышение квалификации в сфере социальных услуг и социального предпринимательства. В 2018 г. около 5% представителей некоммерческих организаций прошли обучение по программам повышения квалификации в области социального предпринимательства (в 2019 г. – уже порядка 10%). Важно отметить, что в Томской области растет неудовлетворенность населения качеством медицинских услуг (в 2018 г. на 7% по сравнению с 2017 г.) и социального обслуживания (на 6% соответственно). По данным мониторинга состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Томской области в 2018 г. такая неудовлетворенность в наибольшей степени (64%) связана с ценовым фактором. Ежегодно растет спрос на социальные услуги на дому (в том числе с использованием таких технологий, как семейные и мобильные бригады), востребованы школы ухода за пожилыми людьми (в Томской области

уже действует 21 такая школа), высок спрос на услуги сиделки для тяжелобольных и пожилых людей, востребован «Детский сад для пожилых людей», увеличивается количество приемных семей для пожилых людей (в 2018 г. – 4, на начало 2020 г. – 6 семей, в которых проживает 8 одиноких пожилых людей)¹. Таким образом, несмотря на развитие рынка социальных и медицинских услуг для граждан старшего возраста, авторами выявлен запрос на расширение их спектра с ожиданием высокого качества по низким (нерыночным) ценам. Практика также показывает, что со стороны бизнеса и некоммерческих организаций, органов исполнительной власти растет интерес к социально-предпринимательским моделям реализации социального обслуживания и медицинских услуг. На текущий момент явление не развито, о нем имеются лишь фрагментарные данные, но количественные оценки показывают устойчивый рост интереса к новым возможностям решения социально значимых проблем, в том числе в сфере ухода за пожилыми людьми. В Томской области реестр СОНКО в настоящее время включает 313 организаций, количество которых устойчиво растет (в 2018 г. – 304, в 2019 г. – 308)². Среди руководителей этих организаций значительную часть составляют люди пенсионного возраста, что свидетельствует об их профессиональной востребованности. Отметим, что участие в СОНКО как институциональная социальная активность с возрастом в целом снижается, но среди граждан старше 60 лет она в два раза выше, чем у 50–59-летних, что подтверждено исследованиями в российских регионах [29].

Одним из косвенных показателей запроса старшего поколения на социальное предпринимательство является активное участие пенсионеров в грантовой работе на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. По данным Союза пенсионеров России (СПР), показателем спроса на активную деятельность старшего поколения выступает работа пожилых людей в городских, районных и сельских органах муниципального самоуправления (более 2 130 представителей СПР по РФ), что также характерно и для Томского отделения.

В качестве успешных практик формирования институционального каркаса для социального предпринимательства силами и в интересах старшего поколения в Томской области можно привести проекты, администрируемые Областным государственным автономным учреждением «Комплексный центр социального обслуживания населения Томской области» (КЦСОН), на базе которого и реализуется упомянутая выше практика «Приемная семья для пожилых людей». Отметим, что если в Томской области приемные семьи организуют сами соцработники, то в Архангельской области мотивирующим фактором для приемных семей является поддержка людей, принимающих такое решение, из регионального бюджета [30], что еще раз подтверждает разнообразие уникальных российских региональных кейсов по решению социальных проблем в силу гетерогенности пространственного развития [31].

Другими успешными институциональными практиками в регионе стала поддержка Администрацией

Томской области региональных общественных организаций и инициатив по проведению культурных, досуговых, образовательных, спортивных мероприятий для пожилых людей. Особый интерес представляет ежегодный конкурс зрелости, грации и интеллекта «Настоящая женщина», проводимый при поддержке Администрации г. Томска и регионального предпринимательского сообщества. Государственные инициативы по формированию институционального каркаса социального предпринимательства целесообразно рассматривать с акцентом на включенность в них общественных и бизнес-структур. Ценным кейсом Томской области явилось привлечение Департаментом социальной защиты населения организаций научно-образовательного комплекса для решения вопросов, связанных с благополучием пожилых людей. Так, например, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) ежегодно реализует образовательную программу для людей старшего поколения по компьютерной грамотности, интернет-безопасности, работе с сайтами, электронной почтой, поисковыми системами, пользованию дистанционными услугами.

Еще одним примером развития общественных практик в интересах пожилых людей Томска и Томской области является проект «Томская академия активного долголетия» (ТААД), который в 2018 и 2019 гг. стал победителем конкурса президентских грантов на развитие гражданского общества. Проект реализуется Советом ветеранов при поддержке Администрации Томской области и при участии шести томских университетов в рамках региональной программы «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Кроме университетов в нем участвуют фитнес-центры, танцевальные и спортивные клубы, медицинские учреждения, коммерческие организации. В спортивных залах и на открытых площадках Томска проводятся занятия по суставной и оздоровительной гимнастике, цигун, фитнесу, восточным и латиноамериканским танцам, скандинавской ходьбе. Пожилые люди могут выбрать занятия по садоводству, изучению иностранных языков, уроки психологической молодости, финансовой грамотности и др.

Пример деятельности ТААД подтверждает авторскую гипотезу о том, что социальное предпринимательство имеет не только высокий потенциал для успешного закрытия ряда «институциональных пустот» в системе обеспечения благополучия пожилых людей, но и способно активизировать общественные и бизнес-практики в данной сфере, а также позволяет развить и разнообразить социальное предпринимательство, осуществляемое представителями старшего поколения. Кейсы Томской области показывают, что бенефициарами участия пожилых людей в социальном предпринимательстве являются не только они сами, но и другие граждане данной возрастной группы, а также региональный социум. Именно в этом состоит основное содержание третьего уровня деятельности по реализации потенциала социального предпринимательства в рассматриваемой предметной области. Благодаря включенности в важные социальные инициативы, участвуя в тех или иных формах

социального предпринимательства (в качестве его объектов или субъектов), пожилые люди полнее реализуют свой ресурсный потенциал, выступают в роли социального «клея» регионального социума, а помогая при этом себе и другим, они обеспечивают выполнение одного из важнейших прав человека – права на достойную жизнь в пожилом возрасте.

Заключение

На примере Томской области выявлена потребность в повышении финансовой независимости, росте качества социального и медицинского обслуживания, создании институтов социальной вовлеченности пожилых людей (волонтерские движения, наставничество, специальные мероприятия), а также площадок для коммуникации и социальной активности пожилых людей. По сути дела, здесь идет речь о возможностях социального предпринимательства, отнесенного авторами ко второму и третьему уровням реализации его потенциала в интересах пожилых людей (за счет объединения усилий общества, бизнеса и активных представителей старшего поколения). Отметим также, что государство (в лице профессиональных представителей по социальным вопросам на экспертных семинарах) весьма четко сформулировало запрос на частную инициативу при решении вышеобозначенных проблем, понимая, что традиционный бизнес объективно не заинтересован в деятельности в данной сфере и все государственно-частные социальные проекты заканчиваются тогда, когда заканчивается их государ-

ственное финансирование. Такие проекты ожидаемо показали свою неустойчивость и неэффективность в долгосрочном периоде.

Ценность исследования состоит в обосновании рациональности осуществления ряда последовательных действий в данном направлении. Во-первых, формирование институционального каркаса (как *первого уровня* деятельности для реализации потенциала социального предпринимательства, определяющего масштабы участия государства – ключевого инвестора и проводника важных институциональных изменений в данной сфере). Во-вторых, определение и закрепление государством долгосрочных «правил игры» для привлечения общественных и бизнес-структур, заинтересованных в проявлении активности в данной сфере (как *второго уровня* деятельности по реализации потенциала социального предпринимательства в интересах пожилых людей). Благодаря этому социально-предпринимательские проекты могут быть устойчивы как в финансовом, так и в социальном плане, поскольку они решают проблемы там, где традиционные государственные службы социальной защиты или медицинской помощи малоэффективны или отсутствуют. В-третьих, реализация потенциала социального предпринимательства у самих пожилых людей, повышение их вовлеченности в региональный социум как активных граждан, не только потребляющих, но и создающих социальные блага (как *третьего уровня* деятельности по реализации потенциала социального предпринимательства в интересах пожилых людей).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства. URL: https://economy.gov.ru/material/file/6bd6ea6dfed00d673dfe8e6f9911504d/rezultaty_reytinga_zh_2018.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

² Реестр некоммерческих организаций. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/1993> (дата обращения: 23.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. How's Life? Measuring Well-being, ORCD Publishing, Paris, 2017. 265 p. DOI: https://dx.doi.org/10.1787/how_life-2017-en (accessed: 28 September 2020).
2. Wallace J. Wellbeing and Devolution. Reframing the Role of Government in Scotland, Wales and Northern Ireland Conclusions and Reflections. Palgrave Pivot, Cham, 2019. 165 p. DOI 10.1007/978-3-030-02230-3
3. Aging in the Twenty-First Century: a Celebration and a Challenge, UNFPA & Help Age International, 2012. URL: <https://www.unfpa.org/publications/ageing-twenty-first-century> (accessed: 15 September 2020).
4. Pavlova I., Nedospasova O. Untapped Resource Potential of Older Persons in Russia: Evidence from Expert Assessments in Tomsk Region // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 113. P. 335–339. DOI: 10.2991/fred-19.2020.68
5. Ranzijn R. The potential of older adults to enhance community quality of life: Links between positive psychology and productive aging // Ageing International. 2002. Vol. 27 (2). P. 30–55.
6. Gauthier A.H., Smeeding T.M. Historical trends in the patterns of time use of older adults // Ageing in advanced industrial states. Dordrecht : Springer, 2010. P. 289–310.
7. Lee Y., Chi I., Ailshire J.A. Life transitions and leisure activity engagement among older Americans: findings from a national longitudinal study // Ageing & Society. 2020. Vol. 40-3. P. 537–564. DOI: 10.1017/S0144686X18001101
8. Iwamasa G.Y., Iwasaki M. A new multidimensional model of successful aging: Perceptions of Japanese American older adults // Journal of cross-cultural gerontology. 2011. Vol. 26 (3). P. 261–278.
9. Коломиец П.Н. «Серебряная экономика» новый подход к проблеме старения // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9, № 1. С. 89–101.
10. Halunko V., Ivanyshchuk A., Popovych T. Global experience of social entrepreneurship development // Baltic Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4 (1). P. 62–67. DOI: 10.30525/2256-0742/2018-4-1-62-67
11. Bielefeld W. Issues in social enterprise and social entrepreneurship // Journal of Public Affairs Education. 2009. Vol. 15 (1). P. 69–86.
12. Saebi T., Foss N.J., Linder S. Social entrepreneurship research: Past achievements and future promises // Journal of Management. 2019. Vol. 45 (1). P. 70–95.
13. Brooks A.C. Social entrepreneurship: modern approaches to social value creation. Upper Saddle River, N.J. : Prentice-Hall, 2008.
14. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? // Entrepreneurship theory and practice. 2006. Vol. 30 (1). P. 1–22.
15. Zahra S.A., Rawhouser H.N., Bhawe N., Neubaum D.O., Hayton J.C. Globalization of social entrepreneurship opportunities // Strategic entrepreneurship journal. 2008. Vol. 2 (2). P. 117–131.

16. Теория и практика социального предпринимательства : учебник / Г.А. Барышева, О.П. Недоспасова, Е.А. Фролова и др.; под ред. Г.А. Барышевой. Томск : STT, 2018. 220 с. С. 28.
17. Kickul J., Lyons T.S. Understanding social entrepreneurship: The relentless pursuit of mission in an ever changing world. Routledge, 2016. 350 p.
18. Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма. М. : Альпина Паблишерз, 2009. 307 с.
19. Kiseleva L., Niño-Amézquita J.L., Veynbender T., Dubrovsky V. Social entrepreneurship as an economic phenomenon: innovations and indicators of development // Marketing and Management of Innovations. 2017. Vol. (4). P. 250–259. DOI: 10.21272/mmi.2017.4-22
20. Ngerthaison, C., Oumtance A. Running a Nursing Home Business: Risk, Opportunity or Challenge for Nurse Entrepreneurs // Journal of Health Research. 2017. Vol. 31 (3). P. 199–208. DOI: 10.14456/jhr.2017.25
21. Godin I., Desmarez P., Mahieu C. Company size, work-home interference, and well-being of self-employed entrepreneurs // Archives of Public Health. 2017. Vol. 75 (1). P. 69. DOI: 10.1186/s13690-017-0243-3
22. Haga K. Innovation in rural Japan: entrepreneurs and residents meeting the challenges of aging and shrinking agricultural communities // Journal of Innovation Economics Management. 2018. Vol. 25 (1). P. 87–117.
23. Grohs S., Schneiders K., Heinze R.G. Outsiders and Intrapreneurs: The Institutional Embeddedness of Social Entrepreneurship in Germany // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2017. Vol. 28 (6). P. 2569–2591. DOI: 10.1007/s11266-016-9777-1
24. Peredo A.M. Social entrepreneurship: A critical review of the concept // Journal of world business. 2006. Vol. 41 (1). P. 56–65.
25. Webb J.W., Khoury T.A., Hitt M.A. The influence of formal and informal institutional voids on entrepreneurship // Entrepreneurship Theory and Practice. 2020. Vol. 44 (3). P. 504–526.
26. Stephan U., Uhlaner L.M., Stride C. Institutions and social entrepreneurship: The role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations // Journal of International Business Studies. 2015. Vol. 46 (3). P. 308–331.
27. Golafshani N. Understanding Reliability and Validity in Qualitative Research // The Qualitative Report. 2003. Vol. 8 (4). P. 597–606.
28. Москвина А., Должикова Д. Участие людей старшего возраста в социальном предпринимательстве на примере социального акселератора (Санкт-Петербург) // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. С. 169–175.
29. Полтавская М.Б. Социальная активность граждан «3 возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда) // Социология и социальные технологии. 2018. Т. 17, № 2. С. 48–64.
30. Голубева Е.Ю., Хабарова Г. Семейный уход как инструмент смягчения социальных рисков у лиц пожилого и старческого возраста на отдаленных территориях // Успехи геронтологии. 2018. № 6. С. 1002–1008.
31. Pavlova I., Gumennikov I., Monastyrny E., Golubeva E. Wellbeing Assessment Yardstick: Evidence from the Elderly Wellbeing across Russian Subnational Macro-Regions // Advances in Methodology & Statistics/Metodoloski zvezki. 2019. Vol. 16 (2). P. 21–40.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 октября 2020 г.

Formation of Demand for Social Entrepreneurship to Serve the Interests of the Older Generation (The Case of Tomsk Oblast)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 87–97.

DOI: 10.17223/15617793/463/11

Olga P. Nedospasova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: olgaecconomy@mail.ru

Irina A. Pavlova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ipav@mail.ru

Galina A. Barysheva, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), E-mail: ganb@tpu.ru

Elena M. Rozhdestvenskaia, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Keywords: social entrepreneurship; institutions; resource potential; older generation; Tomsk Oblast.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300.

Revealing the “institutional voids” and “failures” of the market in relation to meeting the needs of older people actualizes the discussion of the necessity, possibility and expediency of compensating them with the help of a relatively new tool for Russia – social entrepreneurship. The aim of the study is to identify the potential demand for social entrepreneurship in the interests of older people on the example of Tomsk Oblast and substantiate the value of this tool both to meet the needs of older people and to increase the degree of realization of their resource potential. Such an opportunity can appear and be implemented only if the demand of older people for the development of social entrepreneurship is correctly identified and a relationship between implementation forms and urgent problems of social policy in relation to older people is established. This study uses qualitative methods (focus groups) for the period from 2016 to 2019 in the format of expert seminars, the participants of which were representatives of the older generation and specialists professionally involved in social policy and the well-being of older people. This study theoretically substantiates the identified opportunities for filling the “institutional voids” in ensuring the well-being of older people with the help of social entrepreneurship as a mechanism linking social needs with business values. This business model is based on the creation and increment of social value, but is also subject to financial payback. The practical value of the study consists in substantiating the rationality of sequential actions by levels of activity for the development of social entrepreneurship to more completely realize the resource potential of older people: (1) state (public); (2) community and business practices for older people; (3) activities by the engaged representatives of the older generation in the interests of older people themselves. At the first, state, level, activity encompasses the formation of an institutional framework for realizing the potential of social entrepreneurship, which involves the participation of the government as a key investor and conductor of important institutional changes in this area. At the second level of activity, the state determines and consolidates long-term “rules of the game” to attract interested public and business structures to be actively engaged in social entrepreneurship to serve the needs of older people. As a result, social entrepreneurship projects can be financially and socially sustainable as they solve problems where traditional social protection measures or health care services are ineffective or even non-existent. At the third level of activity, older people themselves become participants. This level assumes their pro-active involvement in the regional society as active citizens who not only consume, but also create social benefits.

REFERENCES

1. ORCD. (2017) *How's Life? Measuring Well-being*. ORCD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/how_life-2017-en
2. Wallace, J. (2019) *Wellbeing and Devolution. Reframing the Role of Government in Scotland, Wales and Northern Ireland Conclusions and Reflections*. Palgrave Pivot. DOI: 10.1007/978-3-030-02230-3

3. UNFPA & Help Age International. (2012) *Aging in the Twenty-First Century: a Celebration and a Challenge*. [Online] Available from: <https://www.unfpa.org/publications/ageing-twenty-first-century> (Accessed: 15 September 2020).
4. Pavlova, I. & Nedospasova, O. (2020) Untapped Resource Potential of Older Persons in Russia: Evidence from Expert Assessments in Tomsk Region. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 113. P. 335–339. DOI: 10.2991/fred-19.2020.68
5. Ranzijn, R. (2002) The potential of older adults to enhance community quality of life: Links between positive psychology and productive aging. *Ageing International*. 27 (2). pp. 30–55.
6. Gauthier, A.H. & Smeeding, T.M. (2010) Historical trends in the patterns of time use of older adults. In: Tuljapurkar, Sh., Ogawa, N. & Gauthier, A.H. (eds) *Ageing in advanced industrial states*. Dordrecht: Springer. pp. 289–310.
7. Lee, Y., Chi, I. & Ailshire, J.A. (2020) Life transitions and leisure activity engagement among older Americans: findings from a national longitudinal study. *Ageing & Society*. 40–3. pp. 537–564. DOI: 10.1017/S0144686X18001101
8. Iwamasa, G.Y. & Iwasaki, M. (2011) A new multidimensional model of successful aging: Perceptions of Japanese American older adults. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 26 (3). pp. 261–278.
9. Kolomietss, P.N. (2018) “Silver Economics”: A New Approach to the Problem of Aging. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki – Journal of Economic Regulation*. 9 (1). pp. 89–101. (In Russian).
10. Halunko, V., Ivanyshchuk, A. & Popovych, T. (2018) Global experience of social entrepreneurship development. *Baltic Journal of Economic Studies*. 4 (1). pp. 62–67. DOI: 10.30525/2256-0742/2018-4-1-62-67
11. Bielefeld, W. (2009) Issues in social enterprise and social entrepreneurship. *Journal of Public Affairs Education*. 15 (1). pp. 69–86.
12. Saebi, T., Foss, N.J. & Linder, S. (2019) Social entrepreneurship research: Past achievements and future promises. *Journal of Management*. 45 (1). pp. 70–95.
13. Brooks, A.C. (2008) *Social entrepreneurship: modern approaches to social value creation*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice-Hall.
14. Austin, J., Stevenson, H., Wei & Skillern, J. (2006) Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? *Entrepreneurship Theory and Practice*. 30 (1). pp. 1–22.
15. Zahra, S.A., Rawhouser, H.N., Bhawe, N., Neubaum, D.O. & Hayton, J.C. (2008) Globalization of social entrepreneurship opportunities. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2 (2). pp. 117–131.
16. Barysheva, G.A. (ed.) (2018) *Teoriya i praktika sotsial'nogo predprinimatel'stva: uchebnik* [Theory and practice of social entrepreneurship: textbook]. Tomsk: STT.
17. Kickul, J. & Lyons, T.S. (2016) *Understanding social entrepreneurship: The relentless pursuit of mission in an ever changing world*. Routledge.
18. Yunus, M. & Joly, A. (2009) *Sozdavaya mir bez bednosti: Sotsial'nyy biznes i budushchee kapitalizma* [Creating a world without poverty: Social business and the future of capitalism]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisherz.
19. Kiseleva, L., Niño-Amézquita, J.L., Veynbender, T. & Dubrovsky, V. (2017) Social entrepreneurship as an economic phenomenon: innovations and indicators of development. *Marketing and Management of Innovations*. (4). pp. 250–259. DOI: 10.21272/mmi.2017.4-22
20. Ngerthaison, C. & Oumtance, A. (2017) Running a Nursing Home Business: Risk, Opportunity or Challenge for Nurse Entrepreneurs. *Journal of Health Research*. 31 (3). pp. 199–208. DOI: 10.14456/jhr.2017.25
21. Godin, I., Desmarez, P. & Mahieu, C. (2017) Company size, work-home interference, and well-being of self-employed entrepreneurs. *Archives of Public Health*. 75 (1). p. 69. DOI: 10.1186/s13690-017-0243-3
22. Haga, K. (2018) Innovation in rural Japan: entrepreneurs and residents meeting the challenges of aging and shrinking agricultural communities. *Journal of Innovation Economics Management*. 25 (1). pp. 87–117.
23. Grohs, S., Schneiders, K. & Heinze, R.G. (2017) Outsiders and Intrapreneurs: The Institutional Embeddedness of Social Entrepreneurship in Germany. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 28 (6). pp. 2569–2591. DOI: 10.1007/s11266-016-9777-1
24. Peredo, A.M. (2006) Social entrepreneurship: A critical review of the concept. *Journal of World Business*. 41 (1). P. 56–65.
25. Webb, J.W., Khoury, T.A. & Hitt, M.A. (2020) The influence of formal and informal institutional voids on entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 44 (3). pp. 504–526.
26. Stephan, U., Uhlaner, L.M. & Stride, C. (2015) Institutions and social entrepreneurship: The role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations. *Journal of International Business Studies*. 46 (3). pp. 308–331.
27. Golafshani, N. (2003) Understanding Reliability and Validity in Qualitative Research. *The Qualitative Report*. 8 (4). pp. 597–606.
28. Moskvina, A. & Dolzhikova, D. (2016) The Participation of Elderly People in Social Entrepreneurship: The Practice of the Social Accelerator of a Resource Centre for NGOS (St. Petersburg). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 1. pp. 169–175. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2017-16-1-169-176
29. Poltavskaya, M.B. (2018) Social activity of the “third age”: gender aspect (a case study of the population of Volgograd). *Logos et Praxis*. 17 (2). pp. 48–64. (In Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5
30. Golubeva, E.Yu. & Khabarova, G. (2018) Semeynyy ukhod kak instrument smyagcheniya sotsial'nykh riskov u lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta na otдалennykh territoriyakh [Family care as a tool to mitigate social risks in elderly and senile people in remote areas]. *Uspekhi gerontologii – Advances in Gerontology*. 6. pp. 1002–1008.
31. Pavlova, I., Gumennikov, I., Monastyrny, E. & Golubeva, E. (2019) Wellbeing Assessment Yardstick: Evidence from the Elderly Wellbeing across Russian Subnational Macro-Regions. *Advances in Methodology & Statistics/Metodoloski zvezki*. 16 (2). pp. 21–40.

Received: 11 October 2020